

Уильям Г. Розенберг,
профессор истории Мичиганского университета,
Анн Арбор,
США

Построение демократии в России: предостережения из прошлого

Для тех, кто видит многочисленные достоинства демократии, неудивительно, что в России уже дважды в XX в. — в 1917 и в 1991 гг. — демократия становилась идеологической основой политической и социальной перестройки, следующей за гибелью авторитарного режима. Стремление к личной свободе, отраженное в идеях демократии, является естественной общечеловеческой чертой. Любопытно, что "Толковый словарь живого великорусского языка" Даля, выпущенный в конце 80-х годов XIX в., еще не включал этого понятия, чем подтверждается тот факт, что демократическая идеология не имеет глубоких корней в России. Само понятие *демократия* и относящиеся к нему неологизмы *легитимность* и *народный суверенитет* для русского уха звучат "по-иностранным". Поэтому попытка создания демократического общества неразрывно связана с решением вопроса, исторически ставшего центральным в самосознании народа России как нации: является ли эта многострадальная страна частью Европы или нет, и может ли она стать "современной" и "западной"? В то же время попытки "построения" демократии в России, близкие к общественному движению, известному как "западничество", возводят во главу угла три неотъемлемых элемента демократической идеологии, которые оказывают особое влияние на процесс идентификации (*ultimate identity*) России как современной западной страны.

Первый элемент демократической идеологии относится к индивидуализму и превосходству прав личности над коллективными правами, особенно в области прав собственности; второй связан с признанием справедливости существующего правосудия, особенно в его конституционной форме; и третий элемент включает необхо-

димось создания обширного пространства гражданского общества (extensive civil space), позволяющего свободно выражать общественные претензии и разрешать спорные вопросы, т.е. сферы, в которой теоретически лучшим государством будет то, которое будет меньше править (state is the best which governs least). Поскольку построение демократии в России связано с определяющими вопросами культуры в антропологическом смысле этого слова, с общественными институтами и миротворческой деятельностью отдельных лиц, а также с переосмыслением образа нации, неудивительно, что как в 1917 г., так и в недавнем прошлом все три элемента демократии — индивидуализм и частная собственность, установление законности и ограниченная роль государства в разрешении проблем — стали точками противостояния даже для многих ярых противников тоталитаризма.

Понимание этого противостояния является важной задачей для историков, а также для тех, кто верит в демократический исход событий. Эта задача необычайно трудна, особенно для России, поскольку она требует разрешения вопроса о роли личности — Ленина или Ельцина — в этом историческом процессе, в сравнении с ролью более комплексных общественных и культурных феноменов. Как знают уважаемые участники симпозиума, значение личности стало центральной темой последней литературы о событиях 1917 г. Демократия победила/проиграла в 1917 г., и причиной тому были Керенский/Ленин/большевики; в 1994 г. демократия зависит от Ельцина/Думы/Жириновского. В наше постструктуралистское, постмарксистское время многие считают, что различные общественные и общественно-культурные структуры могут контролироваться, игнорироваться или изменяться при помощи силы. Сама постановка вопроса о возможной роли общественных и общественно-культурных структур якобы подсказывает марксистский, т.е. реакционный уклон, особенно в самой России. Легче винить Ленина в исторических трагедиях и винить Ельцина в современных проблемах, чем анализировать роль сложных структур.

Однако центральные элементы демократической идеологии являются проблемой в России именно в структурном смысле — как в постимпериалистическом, так и в постсоветском контекстах. В то же время роль таких политических деятелей, как Керенский и Ельцин, является исторически обусловленным феноменом. Позвольте мне подробно остановиться на трудностях первой попытки построить демократию в России в 1917 г. Надеюсь, что, несмотря на неконкретность исторических параллелей, такое сравнение с прошлым все-таки сможет пролить свет на настоящее.

Для начала, давайте рассмотрим некоторые трудности, ассоциируемые с основными демократическими концепциями индивидуума и индивидуализма, другими словами — с идеологическим главенством индивидуума над другими членами общества. Можно сказать, что уважение личности и гарантированная защита ее прав есть самый фундаментальный из всех элементов демократической политической системы

Однако везде, особенно в России 1917 г. и во время последних революционных событий, позиция индивидуума затрагивает два социокультурных аспекта: степень соотношения индивидуального и коллективного благополучия, а также отношения между индивиду-

альной идентификацией и идентификацией человека как члена коллектива. Все важнейшие течения в западной демократической идеологии указывают на то, что индивидуализм является путем и к персональному, и к общественному материальному процветанию, что *частная* собственность является источником не только общественного и культурного, но также и материального благополучия.

Я не пытаюсь доказать, что частная собственность в любой форме не является важнейшим элементом всех демократических политических систем. Как раз напротив: без создания и защиты частной собственности политическая демократия выжить не может. Однако очевидно, что, являясь неотъемлемым *компонентом демократической идеологии*, частная собственность в то же время способствует возникновению неравноправия в обществе как естественного явления. В силу этого нищета тоже выглядит как естественное явление: пока индивидуумы равны в правах и вся частная собственность защищается законом одинаково, дифференцированный контроль за самой собственностью, т.е. материальным достатком, становится естественным следствием того, что экономические возможности доступны всем по закону и на равных условиях.

Нищета, к сожалению, столь знакомая российскому обществу, не является единственным препятствием на пути построения демократии в России. Вопрос состоит в том, что идеология *индивидуализма* и восприятие нищеты как нормального явления противостоят хорошо развитой *коллективной* идентификации, которая всегда была глубочайшим источником материальной и моральной поддержки. Как во время революции 1917 г., так и во время революции 1991 г. формы собственности и, особенно, отношения между этими формами, с одной стороны, и самоидентификация — с другой, были центральными проблемами построения демократии.

В дореволюционной России право владения собственностью было крайне ограничено. Большинство населения (особенно крестьяне и рабочие) имело право пользования предметами коллективной собственности. Крестьянин имел право пользоваться землей, не являясь ее владельцем; рабочий имел право занимать квартиру, принадлежащую заводу, на котором он работал. Разумеется, ограничения на собственность выполняли функции поддержания общественного строя и социального контроля. Но главная функция этих ограничений состояла в вовлечении значительной массы людей в поддержание общественного благосостояния и в усилении значимости пользования коллективной собственностью. *Землячество* и *цеховщина* были так же важны для социальной самозащиты и саморепрезентации. Несмотря на многочисленные изменения, имевшие место на закате царского режима (как и в конце режима советского), индивидуальное благополучие было тесно связано с состоянием общественных институтов и групп, к которым принадлежал индивидуум и с которыми он себя идентифицировал.

Вышеизложенные обстоятельства помогают объяснить два важных социокультурных феномена периода 1917 г. Во-первых, ожесточение подавляющего большинства российского крестьянства против крестьян, отделившихся от общины в результате столыпинской реформы, выразившееся в требованиях присоединения их земель к

общественной земле и включения обратно в крестьянскую коммуну, *мир*. Во-вторых, в городах — требование спонтанной "национализации снизу" российских фабрик в 1917—1918 гг., — процесс, начавшийся и продолжавшийся независимо от попыток большевиков поддержать и контролировать его. *Мир*, несомненно, являлся одним из самых угнетающих для личности социальных институтов, особенно для женщин. В свою очередь, национализация фабрик уничтожила торговлю и коммерцию. Оба эти феномена основательно разрушили право на частную собственность задолго до того, как большевики уничтожили как само это право, так и условия для развития западной демократической системы, которая его защищала бы.

Каковы причины этих явлений? Во-первых, в своем большинстве российские крестьяне и рабочие не считали свое бедственное положение или безработицу "естественными" явлениями. Во-вторых, право пользования ресурсами, гарантированное коллективным правом собственности, было намного важнее владения, гарантированного правом на частную собственность. Индивидуализм и частная собственность представляли угрозу не только традиционной системе самоидентификации, но также составным ее элементам. Для большинства простых россиян в 1917 г., как и в настоящее время, выбор либеральной демократии означал выбор между преимуществами пользования или доступом к важным ресурсам, с одной стороны, и преимуществами частной собственности и общественной системы, лишавшей коллектив его социальной роли, — с другой. Так, важными чертами попытки построения западной демократии в России в 1917 г. явились неспособность либерального правительства к компромиссу и потеря этим правительством поддержки со стороны общества в результате замены традиционных коллективных прав на собственность индивидуальными правами на частную собственность, а также утраты идентификации, основанной на коллективной форме собственности.

Именно в контексте попыток разрешить эти проблемы мы можем понять, почему два остальных элемента демократии — справедливое правосудие (*superordinate qualities of law*) и неприкосновенность общественной сферы и установленных институтов для разрешения проблем — столкнулись со столькими трудностями в 1917 г. (как и вопрос собственности), что и без "помощи" большевиков значительно ослабило возможность построения демократии. Важная функция законности в западном демократическом мире заключается не только в том, что она защищает права индивидуума, но и в том, что она ставит интересы государства выше специфических интересов отдельных людей и общественных групп. Законность государственных институтов и форм в условиях западной демократии не зависит от того, какое правительство у власти, плохое или хорошее. Должен заметить, что в своем большинстве правительства на Западе не так уж и хороши. Но на Западе государственные структуры не могут быть легко изменены отдельным лицом или социальной группой, временно обладающими государственной властью в результате победы на выборах. Другими словами, законность и Конституция защищают политический и социальный порядок в демократическом государстве, которое, согласно теории, в первую очередь несет правосозидательную функцию. Установление законности во время революцион-

ных событий в России представляется важным противовесом шоковой экономической терапии. В обоих случаях от индивидуума ожидается радикальная перемена его отношения к государству.

Организующие принципы свободной общественной сферы обладают такой же силой. Если не создается свободная общественная сфера для разрешения конфликтов путем диалога сторон без вмешательства государства, то само государство становится объектом сопротивления тех, чьи интересы притесняются. Если демократическое государство, *вынуждено* вмешиваться в разрешение социальных конфликтов и если Конституция защищает определенные политические или общественные интересы, тогда те, чьи интересы остаются неудовлетворенными, несомненно, будут враждебно настроены не только против правительства, но и против самого государства.

Опыт России 1917 г. показывает, что может произойти с попыткой построить демократию, когда и закон не является высшей инстанцией, и общественная сфера подвергается давлению. После Февраля 1917 г. правительство приложило все усилия, чтобы облегчить разрешение конфликтов. В индустриальных регионах оно поддерживало деятельность фабричных и земельных комитетов по разрешению конфликтов, организовывало волостные земства и даже создало специальный комитет по урегулированию конфликтов между трудом и капиталом в Министерстве труда. Однако поскольку противоборствующим общественным группам в 1917 г. не доставало чувства ответственности перед законом, и поскольку не существовало стабильности в понимании законов, конфликтующие стороны всячески подталкивали государство встать на их сторону, требуя помощи. Ни одна из сторон не использовала общественную сферу или общественные институты. Требования вмешательства государства были слышны как со стороны тех, кто поддерживал либеральную демократию, так и со стороны тех, кто противостоял ей. Авторитарный большевистский режим явился лишь одной моделью концентрации власти в руках сильного государственного аппарата, но к этому стремились многие.

В условиях социального и экономического кризисов 1917 г. можно рассмотреть так называемую "роль агента", или роль личности. Не опирающиеся на Конституцию министерские указы не имели никакого легального основания. Поскольку не было Конституции, конституционные принципы, которые демократическая Россия пыталась создать, изменялись в зависимости от перемен в министерствах. Таким образом, каждое демократическое начинание являлось плодом трудов отдельных лиц. Не только законодательство, но и понятие законности было нестабильным. Закон не являлся общепринятой высшей инстанцией, "естественным" феноменом. Наоборот, он воспринимался как относительное явление, которое зависело от смены кабинетов и министров. Независимо от ситуации в обществе, с такой концепцией права разрешение конфликтов было практически невозможным. Все эти противоречия, конечно, свойственны и времени современных революционных событий. Я повторяюсь, если скажу, что исторические параллели часто неточны, и все же прошлое содержит важные предостережения. Кроме потери человеческих жизней, ельцинские репрессии против парламента в октябре 1993 г. нанесли большой урон самому процессу становления Конституции. Декабрь-

ская Конституция была воспринята как ельцинская, т.е. как инструмент личной власти Президента, — а ведь процесс создания Конституции должен быть выше личных интересов. Поддержка новой "ельцинской" Конституции Жириновским объясняется его (Жириновского) готовностью в случае занятия важного политического поста изменить "конституционные" законы, поскольку не понятие законности, а сам Ельцин в свое время повлиял на создание Конституции.

Подобное отношение к закону применимо и к общественной сфере. Экономические условия усложняют разрешение конфликтов, особенно связанных с собственностью и материальными ценностями. Вмешательство государства необходимо в ряде случаев. Как показывают результаты последних социологических опросов, все меньше и меньше россиян ценят гражданские свободы выше, чем формирование такого строя, который бы отвечал их чаяниям. В России не существует еще границы между государством и правительством. Правительство Ельцина является "государством", несмотря на существование Конституции.

Учреждение частной собственности в современной России создало проблемы, подобные возникшим в 1917 г. Эти проблемы связаны с тем, что частная собственность теперь принадлежит, в основном, старой советской административной и политической элите, не говоря о мафии. В то же время эта ситуация выглядит как построение демократии западного типа. Переход от права пользования жильем, землей и, особенно, предприятиями к праву владения ими, как мы знаем, означал легализацию прошлых привилегий посредством приватизации.

Здесь можно провести очень интересные параллели с прошлым. Как в свое время у Керенского, у Ельцина нет широкого выбора. Поскольку Ельцин поддерживает частную собственность и новый российский капитализм, он поддерживает бывшую привилегированную коммунистическую прослойку. Он также делает обнищание (которое коммунизм, по крайней мере, согласно теории, обязан был уничтожить) привычным, "естественным" явлением. Далее Ельцин подчеркивает, что именно таким образом, создавая новую (а на деле старую) имущую элиту, делая нищету обычным явлением, Россия станет "западной". Эта ситуация может привести к тому, что будущей внутренней российской политике борьбы за новую социальную справедливость будут присущи антизападные и антидемократические настроения.

Таким образом, использование *западных* концепций демократии в России вызывает *принципиальное* сопротивление с разных сторон. Как и в 1917 г., это сопротивление крепнет и угрожает демократии. Этот процесс объясняется тем, что как в прошлом, так и в настоящем российская политика является политикой массовой переидентификации, когда миллионы людей пытаются найти свое новое "я", потеряв старое. В течение 75 лет россияне рассматривались в контексте коллектива или группы, но не на индивидуальном уровне. Сама Россия была единицей, объединяющей россиян в коллектив людей с одноименным названием. Скорее всего, в будущем политические партии будут набирать силу не в результате борьбы за права индивидуума. Неприязнь к режиму и политическое противостояние будут основаны на борьбе, в основу которой лягут гражданские, этнические, региональные

и классовые права. И здесь ясно проявится российская "*непохожесть*". Различия будут использованы, скорее, в поддержку антизападных и антидемократических программ, а не демократии. Борьба за создание демократического общества произвела на свет Жириновского, как революция 1917 г. произвела Ленина.

Парадокс состоит в том, что балаган Жириновского подтверждает: создание демократического общества — это проблема создания социальных институтов и установления приоритета социально-культурных ценностей; роль отдельных индивидуумов здесь совсем не главная. Становление демократии может осуществиться только в рамках установленных социокультурных и политических процессов и институтов. Если никто не прислушается к предостережениям прошлого, русификация демократии, а не превращение России в западную страну, будет лучшим, на что нам останется надеяться.

Вопрос. У нас в стране сегодня действительно нет консенсуса, согласия по базовым ценностям. Я хотел бы узнать Вашу точку зрения вот по какому вопросу: что важнее и принципиальнее при проведении модернизации, демократизации страны — идти следуя традиции страны, т.е. российской традиции, или пренебрегая ею? Я знаю, что у американцев эта проблема не стояла так остро, потому что Ваша страна уникальна, у нее не было исторической традиции. Вы приехали на материк, завоевали его и построили общество. А в нашей стране есть серьезная историческая традиция. Так вот, следовать ли нам своей традиции или нет?

Ответ. Надеюсь, я правильно понял сказанное Вами и хотел бы ответить: чтобы найти либеральный, демократический выход из положения, нужно русифицировать процесс демократизации здесь. А это значит — сблизить исторические традиции России с идеей и концепцией либеральной демократии. Каким образом? Для меня здесь самым трудным и важным вопросом являются отношения между индивидуумом и коллективной идентификацией. Коллективная идентификация в России всегда была важнее, чем в других государствах.